

Таким образом, идентификация носит глубоко социальный характер и, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности. Именно общество, где большинство людей не имеют ограниченных возможностей здоровья, оказывает огромное влияние на субъективное восприятие своей инвалидности человеком, имеющим ограниченные возможности здоровья. От того, насколько адекватно общество воспринимает инвалидов как равноправных членов общества, настолько легче человеку с ограниченными возможностями здоровья «тематизировать» себя как «нормального». В данном случае инвалид имеет возможность делать выбор: либо он конструирует свое поведение, исходя из ожидания помощи со стороны, либо он активизирует собственные усилия. Вторая позиция будет работать на снятие «ярлыка» инвалида в сознании самого инвалида и постепенно менять в обществе систему отношений к людям с ограниченными возможностями здоровья.

В заключение отметим, что приоритетность концепции «социальной модели инвалидности», на наш взгляд, объясняется тем, что субъективная социальная самоидентификация играет значительную роль при формировании жизненных стратегий инвалидов. С помощью этой концепции люди с ограниченными возможностями способны через переопределение и позиционирование себя в ситуации инвалидности повлиять на осмысление феномена инвалидности в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Радаев В. В., Шкаратан О. М. Социальная стратификация / Радаев В. В., Шкаратан О. М.— М. : Аспект Пресс, 1996. — С. 28.
2. Ярская-Смирнова Е. Социальное конструирование инвалидности / Е. Ярская-Смирнова. — 1999. — № 4. — С. 38–45. — (Социологические исследования).
3. Parsons T. The social system/Parsons T. — New-York: The Free Press, 1951. Бергер П. — С. 29.
4. Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Шютц А. — М : РОССПЭН, 2004. — С. 1056.
5. Бергер П. Приглашение в социологию / Бергер П. — М. : Аспект-пресс, 1996. — С. 91.
6. Бергер П. Социальное конструирование реальности / Бергер П. — М. : Медум, 1995. — С. 279.
7. Камин Андрей / Проблемы психологического порядка в семьях с инвалидами / Камин Андрей / Сайт «Информационная служба о реабилитации инвалидов». — Режим доступа к ресурсу: <http://rehabin.i'u/forum/viewtopic.php7pid-50>
8. Романов П. В. Политика инвалидности. Социальное гражданство инвалидов в современной России / Романов П. В. — Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. — С. 260.
9. Ярская-Смирнова Е. Р. Важнейшее из всех искусств.../ Кинорепрезентации инвалидности / Ярская-Смирнова Е. Р. / Круглый стол на тему: «Люди с инвалидностью и средства массовой информации: неограниченные возможности социальной интеграции». — Санкт-Петербург, 2009. — Режим доступа к ресурсу: http://www.spb-tamily.ru/editors/editors_360.html

Попков В. В. — кандидат философских наук, профессор кафедры политологии Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

УДК: 130.1:316.2

ФОРМИРОВАНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А. ТОЙНБИ И Н. БЕРДЯЕВА)

В статье автор сопоставляет теоретические подходы к истории у А. Тойнби и Н. Бердяева, делая вывод о том, что оба автора пришли к пониманию истории не с точки зрения материалистического детерминизма, а с точки зрения детерминизма духовного. Они

рассматривают исторический процесс как неоднократные попытки воплощения духа в косную историческую материю.

Ключевые слова: *социально-экономический процесс, методология, социальная философия.*

**ФОРМУВАННЯ АЛЬТЕРНАТИВНИХ ПІДХОДІВ
ДО АНАЛІЗУ СОЦІАЛЬНО-ІСТОРИЧНОГО ПРОЦЕСУ
(ДОСВІД СПІВСТАВЛЕННЯ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКИХ ПОГЛЯДІВ
А. ТОЙНБІ ТА М. БЕРДЯЄВА)**

У статті автор зіставляє теоретичні підходи до історії у А. Тойнбі і Н. Бердяєва, роблячи висновок про те, що обидва автори прийшли до розуміння історії не з погляду матеріалістичного детермінізму, а з погляду детермінізму духовного. Вони розглядають історичний процес як неодноразові спроби втілення духу у відсталу історичну матерію.

Ключові слова: *соціально-економічний процес, методологія, соціальна філософія.*

**FORMATION OF ALTERNATIVE POSITIONS
TO THE ANALYSIS OF SOCIO-HISTORICAL PROCESS
(AN EXPERIENCE OF COMPARISON OF SOCIO-PHILOSOPHIC POSITIONS
OF A. TOYNBEE AND N. BERDYAEV)**

Author makes the comparative issue of A. Toynbee and N. Berdyaev's positions to historical process in the article. He makes conclusion about that, the two authors have come to the understanding of the history not from viewpoint of materialist determinism, but from viewpoint of spiritual determinism. They booth look on the historical process as on regular attempts of personification of the spirit to the inert historical matter.

Key words: *socio-economic process, methodology, social philosophy.*

Вступление: Арнольд Тойнби известен нам как автор глубоко проработанной теории цивилизаций, которая в значительной мере превзошла сочинения Освальда Шпенглера и стала методологической основой для работ С. Хантингтона (с его бестселлером «Столкновение цивилизаций» [9]), а также более специализированных исследований, касающихся изучения отдельных цивилизаций или новых ракурсов при анализе межцивилизационного взаимодействия (см.: «История Европы» Нормана Дэвиса [4]; «Цивилизации» Фелипе Фернандеса-Арместо [8]; «Цивилизация» Роджера Осборна [5] и др.).

При всем многообразии новых подходов современных цивилизационщиков, анализирующих актуальные проблемы мирового политического процесса, методология Тойнби является одной из наиболее фундаментальных. В то же время в рамках русской социально-философской традиции начала — середины XX века разрабатывается свой оригинальный подход к содержанию и смыслу истории, в основе которого лежит не цивилизационная методология, а методология духовной истории. В этом аспекте наиболее заметны труды Николая Бердяева.

Цель статьи заключается в выработке современного понимания содержания исторического процесса на основе синтеза тойнбианской теории цивилизаций и бердяевской теории духовной революции.

Обсуждение проблемы. Исходным пунктом тойнбианской методологии исторического исследования является обращение к греко-римской классике. Тойнби считает историю греко-римского мира фундаментом всего современного исторического образования.

Во-первых, у исследователя есть возможность охватить историю греко-римского мира целиком — с начала и до конца. То есть на примере истории греко-римского мира мы имеем законченный отрезок истории, в отличие от современной незавершенной истории («недоигранной пьесы, окончания которой мы не знаем»).

Во-вторых, область греко-римской истории не загромождена избытком информации. Это позволяет «видеть за деревьями лес». Исследователь видит достаточно отчетливый переход между распадом греко-римского общества и возникновением современного. Кроме того, масса сохранившихся исторических свидетельств не перегружена официальными документами местных властей, в отличие от многотонной документации, которые плодят современные власти различных уровней. Материалы греко-римской эпохи удобны для обработки и изысканны по качеству. Скульптуры, поэмы, философские труды могут сказать значительно больше, чем тексты законов и договоров. А. Тойнби акцентирует внимание на том, что «...труды художников и писателей значительно долговечней деяний воинов и государственных мужей. Поэты и философы превосходят в этом историков, а уж пророки и святые оставляют позади всех вместе взятых. ...можно смело предсказать, что и Христос, и Будда, и Сократ будут все также свежи в памяти поколений, непостижимо далеких от нас» [7; 13].

В-третьих, в качестве наиболее значительного достоинства греко-римской истории выступает ее мировоззрение. Оно является скорее вселенским, нежели локальным. Афины в начале своей истории послужили воспитанию всей Эллады, а Рим на закате своей истории объединил весь греко-римский мир в единое государство. Поэтому доминантой в истории греко-римского мира будет звучать тема общемирового единства.

Тойнби был решительным противником локального восприятия истории (как, например, истории сугубо английской или истории сугубо германской, китайской и т. д.). Он в этом плане ставит в пример античный подход к истории как всемирному процессу. «Фукидид уже прошел по этому пути прежде нас». «Он сам и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени...» [7; 15].

Следуя за античными авторами, Тойнби стремится соизмерять истории отдельных стран с общемировыми социокультурными источниками. Он пишет: «История Палестины времен Иисуса, как и история платоновской Греции, оказала значительно более мощное влияние на жизнь англичан Викторианской эпохи, чем история Англии времен Елизаветы или Англии времен Альфреда» [7; 14].

Тойнби отмечает восприятие англичанами мира начала XX века как крайне зауженное, замкнутое в категориях английской эгоцентрической истории. Он отмечает, как его знакомый Л. Нэмир, впоследствии профессор, а в те времена студент колледжа Бейллиол вернулся с каникул из родительского дома, находившегося в Австро-Венгрии. Он рассказал о Боснийском кризисе 1908–1909 гг. как совершенно посторонний наблюдатель, глядящий на историю континентальной Европы из окон своей «английской истории». «Ну что ж, австрийская армия стоит наготове во владениях моего отца, а русская армия — буквально в получасе ходу, прямо с другой стороны границы». Эти английские студенты совершенно не осознавали, что буквально в двух шагах от Боснии творится их собственная история.

Методологию античных авторов Тойнби усваивал в процессе практического соприкосновения с артефактами античного мира. В 1919 г. он совершал поход по Греции по следам древнегреческих героев. Слушал народные мифы в греческих харчевнях. Пришел к осознанию того, что все мы находимся в процессе всеобщей творимой нами истории. Совершая прогулки в Суффолке, испытывал постоянное чувство ностальгии по историческому Средиземноморью. Слишком силен был контраст с унылым Северным морем. Мировая война застала Тойнби, когда он рассказывал студентам в Бейллиоллском колледже труды Фукидида.

В ходе чтения лекций к Тойнби пришло внезапное озарение: он осознал, что тот опыт и те переживания, которые испытывал в период I Мировой войны, уже были пережиты Фукидидом за многие столетия до этого. Тойнби столкнулся с тем же историческим кризисом, который подвинул Фукидида к написанию истории. Тойнби был убежден, что Фукидид и его поколение стояли на более высокой ступени, чем поколение Тойнби относительно своего времени. Настоящее Фукидида в IV веке до н. э. соответствовало будущему Тойнби в XX веке н. э. Оба мира оказались в философском аспекте современниками.

Тойнби высказывает предположение: если это положение истинно для соотношения греко-римской и западной цивилизаций, то же самое можно сказать и обо всех других цивилизациях. Он предлагает **новое видение истории. Главный тезис Тойнби — о философской одновременности всех цивилизаций.** Этот тезис Тойнби подкрепляет рядом открытий современной ему физической науки.

Он утверждает, что пять или шесть тысячелетий с появления первых цивилизаций — бесконечно малая величина по сравнению с возрастом человеческого рода, тем более с возрастом жизни на планете, тем более с возрастом самой планеты, тем более с возрастом Вселенной.

В сравнении с таким порядком величин греко-римская цивилизация, возникшая во втором тысячелетии до нашей эры и христианская цивилизация, возникшая в первом тысячелетии нашей эры — практически современницы.

В таком ракурсе история видится как пучок параллельных векторов, современных друг-другу и сравнительно недавних человеческих свершений и опытов, множества попыток преодолеть примитивный образ жизни. Примечательно то, что в таком примитивном состоянии часть человечества находится и по сей день.

Столь далеко зашедшая дифференциация стилей и образов жизни совершилась за период каких-то пяти-шести тысячелетий. Тойнби задает вопрос: что пробудило «счастливиц» «отряхнуться» от спячки и оцепенения, в котором по-прежнему пребывает значительная часть человечества?

Значительное влияние в этом аспекте на Тойнби оказал О. Шпенглер. Профессор Нэмир познакомил Тойнби с трудом О. Шпенглера «Закат Европы». Тойнби оценил этот труд как «страницы, наполненные проблесками исторического озарения». И задает вопрос: «Не предвосхитил ли Шпенглер все мое исследование?»

Тойнби на этот вопрос отвечает отрицательно, так как он разработал вполне определенные личные нововведения.

Во-первых, мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество в масштабе целой цивилизации, а не случайные изолированные фрагменты его (например, национальные государства современного Запада, или города-государства греко-римского периода).

Во-вторых, мысль о том, что истории развития всех обществ, подходящих под определение цивилизации, были в определенном смысле параллельны и современны друг другу. В какой-то степени эти мысли находились и в системе Шпенглера. Однако Шпенглер не дал ответа на главный вопрос: **о генезисе цивилизаций**.

Шпенглер оказался в этом вопросе догматиком и детерминистом. С его точки зрения, цивилизации возникали, развивались, приходили в упадок в точном соответствии с неким устойчивым графиком. Никакого объяснения, почему такой график существует — не было. Шпенглер интерпретировал это просто как закон природы.

С точки зрения Тойнби, германский априорный метод потерпел неудачу. Он применяет метод английского эмпиризма, производит проверку возможных альтернативных объяснений в свете известных фактов. Он проверяет жизнеспособность двух основных конкурирующих теорий XIX века:

Во-первых, это расовая теория, согласно которой особенности расы определяют отсталость или прогрессивность тех или иных народов. Тойнби выдвигает возражение: среди отцов-основателей практически всех цивилизаций мы находим смешение представителей почти всех известных рас (включая черную расу: имеющий афро-мавританские корни, Пушкин заложил основы русского литературного языка).

Во-вторых, это теория геофизических условий (решающее влияние окружающей среды). Неоспоримым является сходство геофизических условий в долине Нила и нижнего течения Тигра и Евфрата (колыбели египетской и шумерской цивилизаций). Но и здесь есть возражения. Почему не возникали в сходных условиях цивилизации на берегах Иордана и Рио-Гранде? Почему цивилизация, возникшая в высокогорных Андах, не имеет аналога в высокогорье Кении?

Все эти возражения обратили Тойнби к изучению основ мифологии. Примечательно, что в этот же период (1914–1918 годы) произошел резкий поворот и в психологии. Работы К. Г. Юнга могли бы стать ключом для Тойнби.

В самом деле, основатель «аналитической психологии» швейцарец Карл Густав Юнг стремился объяснить вопросы истории через призму бессознательной деятельности души человека. Однако он избегал такие фрейдистские положения, как «эдипов комплекс», «вытеснение», «сублимация».

Центральным для Юнга становится понятие бессознательного, освобожденного от сексуальности, но обладающего универсальной, надперсональной природой. В психике субъекта превалируют феномены коллективного бессознательного, а само коллективное бессознательное проявляется в виде архетипов, которые придают форму определенным психическим содержаниям.

Именно архетипы, придающие определенную форму массовой психологии, и являются, с точки зрения Юнга, основным фактором, определяющим характер того или иного общества, той или иной цивилизации.

Однако Тойнби тогда еще не был знаком с работами Юнга. Ключ к пониманию генезиса цивилизаций он обнаружил в гетевском «Фаусте». (Благо, его Тойнби вызубрил еще в школе, как и «Агамемнона» Эсхила.)

Для Тойнби примечателен гетевский «Пролог в небесах». Звучит гимн архангелов, воспевающих совершенство творений Господа. В силу полного и завершенного совершенства своих творений, Творец не оставил для себя пространства для Своих новых творений. И из этого тупика не было выхода до тех пор, пока не появился Мефистофель (созданный специально для такой цели). Мефистофель бросает вызов Богу и требует дать ему свободу испортить одно из самых совершенных божественных творений — человека. Бог принимает вызов. Тем самым Он открывает возможность и дальше совершенствовать Свой созидательный труд в творениях, разрушаемых Мефистофелем. Таково столкновение Вызова-и-ответа. Сталкиваются огниво и кремень. И это столкновение высекает творческую искру.

В гетевской интерпретации Мефистофель создан для того, чтобы быть обманутым. Об этом он догадывается слишком поздно. Однако Бог явно рискует своим творением, стремясь обыграть Мефистофеля. При этом дьявол далеко не всегда остается в проигрыше. В мире продолжается конкретная борьба за каждую конкретную личность.

В таком ключе («творческая искра») действие Вызова-и-ответа объясняет генезис и развитие цивилизаций. Действие Вызова-и-ответа также объясняет их надлом и распад («победы дьявола в конкретных случаях»). Применительно к мировой истории «выигрышей» у дьявола больше — большинство из известных нам цивилизаций распалось, и большая часть этого большинства пришла к полному исчезновению.

Тойнби находит определенную степень единообразия при сравнительном анализе путей, которыми погибшие цивилизации проходили от стадии надлома до стадии распада. И это не удивительно, поскольку надлом предполагает утрату контроля над ситуацией со стороны ядра цивилизации. Тогда свобода превращается в авантюризм. Множатся свободные акты, акты произвола. Они бесконечно разнообразны и абсолютно непредсказуемы. Напротив, автоматические процессы имеют тенденцию к единообразию и повторяемости.

Говоря о надломе цивилизации, Тойнби рисует модель социальной дезинтеграции: раскол разрушающегося общества на непокорный бунтарский субстрат и все менее влиятельное господствующее меньшинство.

Процесс разрушения движется рывками от мятежа к объединению и снова к мятежу. В период предпоследнего объединения господствующему меньшинству удастся приостановить фатальное саморазрушение общества при помощи создания универсального государства (Римская империя). В рамках универсального государства под властью господствующего меньшинства пролетариат создает вселенскую церковь.

После очередного и последнего мятежа дезинтеграция цивилизации окончательно завершается. В этом хаосе только церковь способна сохраниться и стать куколкой, из которой спустя время возникнет новая цивилизация.

Установление Августом Рах Romana вернуло, как казалось в то время, греко-римский мир на прочную основу, после того как он был истрепан несколькими столетиями нескончаемых войн, безвластия и революций. Но объединение, достигнутое Августом, по мнению Тойнби, оказалось всего лишь передышкой. После двухсот пятидесяти лет относительного спокойствия империя в III веке потерпела такой крах, от которого не смогла оправиться. При следующем кризисе — в V и VI веках — разрушилась до основания.

Истинный выигрыш от разрушившегося в конце концов Римского мира получила одна лишь христианская церковь. Она воспользовалась исторической возможностью, чтобы укорениться и распространиться. Вначале стимулом для ее укрепления послужило преследование со стороны империи. Однако поняв, что ей не удалось сокрушить церковь, империя решила сделать ее своим партнером. Но это не смогло спасти империю от крушения. После крушения Церковь прибрала к рукам все римское наследие.

Подобные отношения между увядающей цивилизацией и поднимающейся религией можно наблюдать в десятках других случаях. (На Дальнем Востоке империя Цинь и Хань играла роль Римской империи, а в роли христианской церкви выступала буддийская школа Махаяны.)

Гибнет одна цивилизация, рождается другая... Тойнби ставит вопрос: не сводится ли поиск главной цели человеческих усилий к унылому круговороту бесплодных повторений язычества? (Языческие империи лущатся, цивилизационному возрождению способствует вселенская церковь, чтобы вновь утвердилось неоязычество.)

Цикличность восприняли бы Аристотель и Будда как само собой разумеющееся явление. Тойнби иного мнения: «Для нашего западного мышления циклическая теория, если принять ее всерьез, сведет историю к бессмысленной сказке, рассказанной идиотом» [7; 22]. В истории должен быть смысл.

Запад своей невосприимчивостью к греческим и индийским учениям о цикличности обязан иудейскому и зороастрийскому влиянию. Пророки Израиля, Иудеи и Ирана говорили: история — не циклический или механический процесс. Это живое, протяженное по времени исполнение на узкой сцене земного мира божественной мистерии, которая открывается людям лишь мимолетными фрагментами и которая во всех отношениях превосходит человеческие возможности восприятия и понимания. Пророки собственным жизненным опытом предвосхитили открытие Эсхила («учение, познание проходит через страдание»).

В XX веке вновь возникает вопрос: должны ли мы делать выбор в пользу иудейско-зороастрийского взгляда на историю против греко-индийского? Но эти две точки зрения **не являются** непримиримыми. Если транспортное средство (мотоцикл) движется в направлении, избранном его водителем, движение в определенной степени зависит и от колес, вращающихся оборот за оборотом.

Цивилизации — «колеса мотоцикла» по имени Всемирная история. Они переживают расцвет и упадок, давая жизнь новым цивилизациям, в чем-то находящимся на более высоком уровне. Возможно, разворачивается некий божественный план, по которому знание, полученное через страдание, вызванное крушениями цивилизаций, становится высшим средством прогресса. Человечество движется вперед и вверх, меняя по дороге колеса.

Авраам эмигрировал из вавилонской цивилизации накануне ее краха. Пророки были сынами другой (древнесирийской) цивилизации, находившейся в состоянии распада; христианство родилось на обломках распадающегося греко-римского мира.

Не является ли нынешняя эпоха столь же переломной? Появится ли подобное духовное прозрение у нынешних жителей планеты, в эпоху углубляющегося кризиса мировой цивилизации?

Попытку ответа на эти вопросы предпринял представитель иной культурной традиции — русский философ Николай Бердяев. Мир буржуазно-капиталистический, считает он, создавался в совершенной отделенности, отрешенности от духа и духовности [1; 183]. Но и мир социалистический продолжает существовать в отделенности и отрешенности от духа и духовности, часто даже во вражде к духу [1; 183].

Н. Бердяев устанавливает три ступени духовности: духовность, ограниченную природой; духовность, ограниченную обществом; и чистую, освобожденную духовность [1; 200]. В язычестве сильными были ограничения духовности природой. В христианстве сильны были ограничения духовности обществом.

Чистая, освобожденная духовность означает, что дух становится безграничным, он непосредственно овладевает природой и обществом. Чистая духовность не сакрализует ничего исторического. Для нее священны лишь Бог и божественное в человеке, истина, любовь, милосердие, справедливость, красота, творческое вдохновение. Это прежде всего предполагает изменение сознания, ибо ложная направленность сознания сформировала мир призрачный. Но это не будет идеализмом, который не чувствует сопротивления массивной реальности. Это будет духовный реализм, не только восходящий, но и нисходящий, дух активный, а не пассивный [1; 203].

Новая духовность не обращена только к прошлому, к Христу, распятому злом мира, но и к будущему, к Христу, грядущему во славе, к Царству Божьему. Но явление Христа Грядущего, но Царство Божье подготавливается и человеческой активностью, человеческим творчеством. Бог действует в мире через человека, через человеческий дух [1; 202]. Это-то и будет самая активная духовность, духовность в подлинном смысле революционная.

Вывод:

Хотя непосредственной встречи между двумя мыслителями не произошло, их идейная встреча состоялась. А. Тойнби через анализ мирового социально-исторического процесса пришел к осознанию необходимости духовного прозрения в условиях углубляющегося кризиса мировой

цивилизации. Николай Бердяев включился в социально-исторический процесс, выйдя в мир из глубин работы духа.

Оба этих творческих вектора пересекаются гораздо позже середины XX века (время, в которое оба социальных философа завершали свой жизненный путь). Временем этого пересечения стал XXI век, в котором наблюдается резкое повышение уровня внутреннего напряжения и конфликтности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность / Николай Бердяев. — М.: АСТ, 2007. — 381 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы / Николай Бердяев. — М.: АСТ, 2004. — 333 с.
3. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Николай Бердяев. — М.: АСТ, 2006. — 349 с.
4. Дэвис Н. История Европы / Норман Дэвис; [пер с англ. Т. Б. Менской]. — М.: АСТ, 2006. — 943 с.
5. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер Осборн; [пер с англ.]. — М.: АСТ, 2008. — 764 с.
6. Тойнби А. Постигание истории: Сборник / Арнолд Дж. Тойнби; [пер с англ.]. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 640 с.
7. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Арнолд Дж. Тойнби; [пер с англ.]. — М.: АСТ, 2011 — 318 с.
8. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации / Фелипе Фернандес-Арместо; [пер с англ. Д. Арсеньева]. — М.: АСТ, 2009. — 764 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; [пер с англ.]. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.

Постол А. А. — кандидат політичних наук, доцент кафедри політології та права Запорізького національного технічного університету.

Постол О. Є. — кандидат політичних наук, доцент, докторант кафедри політичних наук Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова.

УДК: 328.36-029.3

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЮ ЯК КОМПОНЕНТА САМОРЕГУЛЯЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Аналізуються потенційні можливості соціального контролю в процесі саморегуляції суспільства, його значення в контексті відносин держава – громадянське суспільство. Визначені особливості ретроспективного і проспективного контролю у регулюванні політичних відносин.

Ключові слова: соціальний контроль, саморегуляція суспільства, ретроспективний контроль, проспективний контроль, держава, громадянське суспільство.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ КАК КОМПОНЕНТА САМОРЕГУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВА

Анализируются потенциальные возможности социального контроля в процессе саморегуляции общества и его значение в контексте отношений государство – гражданское общество. Определены особенности ретроспективного и проспективного контроля в регулировании политических отношений.

Ключевые слова: социальный контроль, саморегуляция общества, ретроспективный контроль, проспективный контроль, государство, гражданское общество.

SOCIAL CONTROL'S POTENCIAL AS A COMPONENT OF SOCIETY SELF-REGULATION

The potential for social control in the process of self-regulation of society and its importance to the